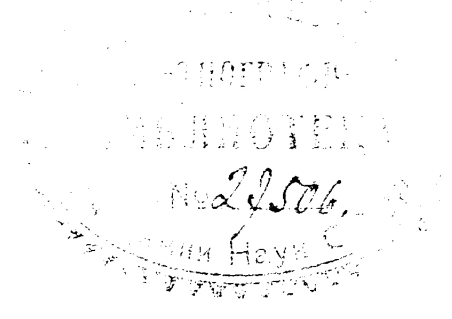
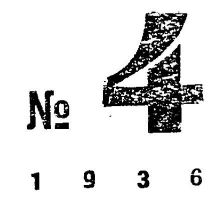
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

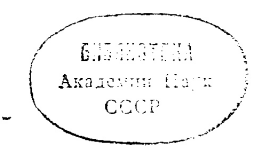
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

№ 4

1936

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

Содержание

А. Старцев

О Джойсе

Что представляет собой Джойс? На эту тему уже неоднократно писали и говорили, но почему-то из всех писаний и разговоров не сложилось ясного представления о предмете спора, которое можно было бы преподать всякому интересующемуся, вне зависимости от того читал он «Улисса» или не читал.

Два года тому назад, когда умер Андрей Белый, в «Известиях» был напечатан некролог, подписанный Б. Пильняком и еще несколькими литераторами. Уже в первых строках некролог сообщал: «Джемс Джойс для современной европейской литературы является вершиной мастерства. Надо помнить, что Джемс Джойс — ученик Андрея Белого».

Нас интересуют оба эти утверждения. Несмотря на то, что второе из них — просто апологетическая выдумка: Джойс ничему и никогда у Белого не учился.

Является ли Джойс центральной фигурой в современной европейской литературе? На этот вопрос нужно ответить отрицательно. Джойс является вершиной современной литературы *буржуазного декаданса*. Это бесспорно.

Если не видеть в зарубежной культуре ничего, кроме распада идеологии господствующих классов, то фигура Джойса может, действительно, закрыть весь горизонт. Такая картина не имеет ничего общего с действительностью.

Если далее считать, что выдающиеся произведения буржуазного декаданса есть эстетические вершины современного искусства, то естественен вывод, что у Джойса следует учиться, ему нужно подражать.

Такая точка зрения не имеет ничего общего с точкой зрения социалистического реализма.

Джойс не учился у Белого и не имел в этом нужды: он формировался, как художник, в другой среде и на другом материале. Тем не менее, очень полезно направить внимание на родственные черты в творчестве этих двух художников — Джойса и Белого. Джойса и Белого можно и следует сближать. Только формулировку взаимоотношений художников нужно изменить таким образом: Белого роднят с Джойсом те черты его творчества, которые характеризуют его, как художника распада и декаданса.

Достаточно указать, что и «Петербург» и «Улисс» отмечены рассудочным метафизическим нигилизмом; в «Петербурге» и в «Улиссе» физический мир свободно восполняется астральным миром, реальные время, пространство причинность приносятся в жертву авторскому солипсизму; наконец, в обоих произведениях происходит деятельный процесс формалистического разложения композиции, сюжета и самого слова, как изобразительного средства литературы.

Из сказанного следуют два вывода. Во-первых, искателям декадентского формализма незачем далеко ходить и твердить как во сне: «Джойс! Джойс!..» Декадентский формализм присутствует в своих существенных элементах в творчестве одного из выдающихся русских писателей XX века, Андрея Белого (и в ином сочетании также существенных элементов, в творчестве Велемира Хлебникова) и нашей критике давно уже

Джемс Джойс

Улисс

Перевод с английского О. Холмской[1]

10

Ректор, его высокопреподобие Джон Конми, О. У., положил свои гладкие часы обратно во внутренний карман, и сошел с крыльца своего дома. Без пяти три. Как раз время прогуляться до Артэна. Как его зовут, этого мальчика? Ах да, Дигнэм. Vere dignum et justum est [2]. Надо повидать брата Суона. Письмо мистера Каннингхэма. Оказать ему услугу, если возможно. Хороший усердный католик; такие полезны при сборах на миссию.

Одноногий матрос, ленивыми скачками ковыляя на своих костылях, хрипло пропел несколько слов. Доковыляв до монастыря Сестер Милосердия он круто остановился и протянул картуз его высокопреподобию Джону Конми, О. И. Отец Конми благословил его, так как в кошельке у него, он знал, была только одна серебряная крона.

Отец Конми перешел через улицу к Монтджой-сквэр. Идя он думал, но не очень долго, о солдатах и матросах, которым оторвало ноги пушечными ядрами, и которые кончают свои дни где-нибудь в богадельне, и о словах кардинала Уолси: *Если бы я служил богу так, как служил королю, он не оставил бы меня в дни моей старости.* Он шел в тени деревьев под солнцемигающей листвой и навстречу ему шла жена мистера Дэвида Шихи, Ч. П.

— Очень хорошо, благодарю вас, отец. А вы как, отец?

Отец Конми чувствовал себя прекрасно. Должно быть, поедет в Бэкстон на воды. А ее мальчики, как они в Бельведере? Ах, вот как? Отец Конми очень рад это слышать. А сам мистер Шихи? Все еще в Лондоне. Сессия парламента еще не кончилась, да, конечно. Прекрасная погода, прямо на редкость. Да, весьма возможно, что отец Бернард Воган опять будет говорить проповедь. О, да, огромный успех. Замечательный человек.

Отец Конми был очень рад видеть жену м-ра Дэвида Шихи, Ч. П., в добром здравии и он попросил передать от него привет мистеру Дэвиду Шихи, Ч. П. Да, он непременно зайдет.

— Всего лучшего, миссис Шихи.

Отец Конми снял шляпу, кланяясь черному стеклярусу ее мантильи, чернильноблеснувшему на солнце. И снова улыбнулся, уходя. Зубы у него, он знал, были вычищены эвкалиптовой пастой.

Отец Конми шел и идя улыбался, вспоминая смеющиеся глаза и простонародные словечки отца Бернарда Вогана.

— Пилат! Что ты не приструнишь этих горластых бездельников?

Ревностный служитель церкви тем не менее. Несомненно. И несомненно делает много добра. На свой лад. Вне всякого сомнения. Любит Ирландию, говорил он, и любит ирландцев. И из хорошей семьи. Кто бы подумал. Кажется, они родом из Уэллса?

Ах да, как бы не забыть. Письмо к отцу провинциалу.

Отец Конми остановил трех маленьких школьников на углу Монтджой-сквэр. Да: они из Бельведера. Из приготовительного, ага. А они хорошо ве-

[1] Под редакцией Первого переводческого коллектива ССП.

[2] По истине достойн и справедлив (лат.).

дут себя в школе? Ну вот какие молодцы. А как тебя зовут? Джек Сохан. А тебя? Гер Галлахер. А того малыша? Брунни Линэм. Какое славное имя.

Отец Конми достал письмо из внутреннего кармана, дал его Брунни Линэму и показал на красный почтовый ящик на углу Фицгиббон-стрит..

— Смотри только сам не проскочи в ящик, малыш, — сказал он.

Мальчики, шестиглазея на отца Конми, рассмеялись.

— О, сэр!

— Ну покажи мне, что ты умеешь опускать письма, — сказал отец Конми.

Брунни Линэм перебежал дорогу и сунул письмо отца Конми к отцу провинциалу в щель ярко-красного почтового ящика, отец Конми улыбнулся, кивнул, улыбнулся и пошел дальше по Монтджой-сквэр.

Мистер Денис Дж. Магинни, учитель танцев и т. п. в цилиндре и грифельно-сером сюртуке с шелковыми отворотами, в белом галстуке, в узких сиреневых брюках, канареечных перчатках и остроносых лаковых ботинках, важно шествуя, весьма почтительно отступил на край тротуара, пропуская лэди Максвел на углу Дигнэм-Корт.

А это ведь кажется миссис Мак-Гиннес?

Миссис Мак Гиннес, статная, сребро-волосая, поклонилась отцу Конми с дальнего тротуара, по которому она плыла. И отец Конми улыбнулся и отдал поклон. Как она поживает?

Прекрасная у нее осанка. Чем-то похожа на Марию, королеву шотландскую. И подумать, что она держит ссудную кассу. Да. И такой, как это сказать? — такой царственный вид.

Отец Конми шел дальше по Грэйт Чарлз-стрит; он поглядел на запертую протестантскую церковь на левой стороне. Его преподобие Т. Р. Грин Б. И.[1] произнесет (Д. V.)[2] проповедь. Священная обязанность, так его прозвали. Я чувствую, что моя священная обязанность сказать вам несколько слов. Но надлежит быть милосердным. Непобедимое невежество. Не ведают, что творят.

Отец Конми завернул за угол и пошел по Норд Сиркулар Род. Удивительно, что до сих пор на такой оживленной улице нет трамвая. Совершенно необходимо провести.

Стайка школьников с сумками выбежала с Ричмонд-стрит. Все подняли засаленные картузы. Отец Конми несколько раз благосклонно ответил на их поклоны. Из школы Христианских Братьев.

Отец Конми, идя, ощутил с правой стороны запах ладана. Церковь святого Иосифа. Портланд Роу. Для престарелых и добродетельных женщин. Отец Конми снял шляпу перед святыми дарами. Добродетельны; но иногда при этом сварливы.

Проходя мимо дворца Олдборо отец Конми подумал об этом расточительном дворянине. А теперь там контора или что-то вроде.

Отец Конми вышел на Норд Стрэнд Род и мистер Уиллиам Галлахер, стоявший в дверях своей лавки, поклонился ему. Отец Конми поклонился мистеру Уиллиаму Галлахеру и вдохнул запахи, исходившие от засоленных окороков и об'емистых брусков масла. Он прошел мимо табачной лавки Грогана, где у стены стояли газетные плакаты, сообщавшие об ужасной катастрофе в Нью-Йорке. В Америке постоянно случаются подобные вещи. Несчастные люди, погибнуть так, не приготовившись к смерти. Впрочем, чистосердечное раскаяние.

Отец Конми прошел мимо бара Даниэля Бергин, где, лениво прислонясь к окну, стояли двое праздных мужчин. Они поклонились ему и получили поклон в ответ.

Отец Конми миновал похоронное бюро Х. Дж. О'Нейла, где Корни Келлехер заносил цифры в журнал, пожевывая соломинку. Констэбль, стоявший на посту, поклонился отцу Конми и отец Конми поклонился констэблю. В мясной Юкстеттера отец Конми заметил колбасы, белые, черные, красные, аккуратно свернутые кругами.

На Чарлевиль Молл отец Конми увидел пришвартованную под деревьями торфяную баржу, свесившую голову лошадь в лямках, матроса в грязной соломенной шляпе, сидевшего на середине баржи, покуривая и глазея на ветку тополя у себя над головой. Совсем идиллия; и отец Конми предался размышлениям о мудром провидении, повелевшему в болотах быть торфу, дабы люди могли его выкопать и привезти в города и села, где он будет обогревать дома бедняков.

На Ньюкоменском мосту его высокопреподобие Джон Конми, О. И., из церкви святого Франсуа Ксавье на Гардинер-стрит, вошел в трамвай, идущий из центра.

С трамвая, идущего в центр, сошел на Ньюкменский мост его преподобие Николас Дэдлей, С. Г.[1], из церкви св. Агаты на северной Уиллиам-стрит.

На Ньюкоменском мосту отец Конми вошел в трамвай, идущий из центра, ибо ему не хотелось пешком переходить через топкую дорогу выше Грязного Острова.

Отец Конми сидел в углу трамвая, синий билет был аккуратно засунут в глазок одной из его тугих лайковых перчаток, а четыре шиллинга, сикспенс и пять пенни падали в его кошелек из ладони другой его тугой перчатки. Проезжая мимо плющевой церкви, он подумал о том, что контролер является обычно как раз тогда, когда легкомысленно выбросишь билет.

Торжественность на лицах пассажиров показалась отцу Конми чрезмерной для такой короткой дешевой поездки. Отец Конми любил благопристойную веселость.

Это был спокойный день. Джентльмен в очках напротив отца Конми кончил об'яснять и опустил глаза. Должно быть его жена, решил отец Конми. Крошечный зевок чуть-чуть приоткрыл рот жены джентльмена в очках. Она подняла маленький, затянутый в перчатку кулачок, тихонько зевнула, постукивая маленьким затянутым в перчатку кулачком по своему раскрывшемуся рту, и улыбнулась тихонько, нежно.

Отец Конми заметил запах ее духов. Он заметил также, что нескладный старик по другую руку от нее сидел на самом краешке скамьи.

Отец Конми на амвоне с трудом вкладывал облатку в рот нескладного старика с трясущейся головой.

На мосту Эннесли трамвай остановился и, когда он уже трогался, старуха внезапно поднялась со своего места. Кондуктор дернул звонок, чтобы задержать вагон. Старуха пошла к выходу со своей корзинкой и веревочной сумкой, и отец Конми увидел, как кондуктор выгружал ее, и корзинку и сумку; и отец Конми подумал, что она чуть не проехала свою остановку, она, как видно, из тех простых душ, которым всегда нужно дважды повторить, идите с миром, дитя мое, что они уже получили отпущение, молитесь за меня. Но у них столько забот в жизни, столько огорчений, бедные создания.

С афиши мистер Юджин Стрэттон ухмыльнулся отцу Конми, толстыми негритянскими губами.

Отец Конми подумал о душах черных, коричневых и желтых людей и о своей проповеди на тему о святом Питере Клевере, О. И., и об африканской миссии, и о распространении истинной веры, и о миллионах черных, коричневых и желтых душ, которые не успеют получить святого крещения к тому времени, когда их последний час подкрадется к ним, яко тать в нощи. Эта книга бельгийского иезуита Le Nombre des Elus[1] как казалось отцу Конми, защищает правильный тезис. Этим миллионам душ, сотворенным богом по образу своему и подобию, истина (D. V.) не была открыта. Но это были божьи души, сотворенные богом. Отец Конми сожалел, что все они погибнут, чистый убыток, если можно так выразиться.

На Хоус Род отец Конми сошел, провожаемый поклоном кондуктора и отдав ему поклон.

На Малахайд Род безлюдно. Отцу Конми нравилась и улица и названье. И весело звонят колокола в веселом Малахайде. Лорд Тальбот де Малахайд, наследный лорд-адмирал Малахайда и прилежащих морей. Потом пропела военная труба, и в один день она стала невестой, женой и вдовой. То были добрые старые времена, дни верности и славы в веселых старых городах, давние дни во владениях барона.

Отец Конми, идя, думал о своей кни-

[1] Бакалавр Искусств.
[2] Deo Volente — с соизволения божия (лат.).

[1] Советник Графства.

[1] Сонм избранных (фр.).

жечке «Старые времена во владениях барона» и о книге, которую можно бы написать об иезуитских общинах, и о Мэри Рочфорт, дочери лорда Молсворс, первой графине Бельведер.

Грустная лэди, молодость прошла, прогуливалась в одиночестве по берегам озера Эннел, Мэри первая графиня Бельведер, грустно гуляя по вечерам, не вздрагивая, когда выдра ныряла в воду. Кто может знать правду? Не лорд Бельведер, ревнивец, и даже не ее духовник, если только она не совершила прелюбодеяния до конца с братом своего мужа. Если она согрешила не до конца, она и на исповеди призналась бы лишь наполовину, по женскому обычаю. Знал один бог и она, и он — брат ее мужа.

Отец Конми думал о тирании плотских вожделений, необходимой, однако, для продления человеческого рода, и о путях господних, которые не наши пути.

Dominus Джон Конми пребывал в давноминувших днях. Он был тогда милостив и всеми почитаем. Он хранил в душе тайны исповеди и улыбался улыбающимся благородным лицам в гостиной с лощеным паркетом, с потолком в гирляндах спелых плодов. И руки невесты и жениха, благородная кровь к благородной крови, соединил dominus Джон Конми.

Прелестный день.

Воротца, ведущие в поле, открыли отцу Конми вид на грядки с кочнами капусты, приседавшими перед ним в своих пышных нижних листьях. Небо показало ему стадо белых облаков, медленно плывших по ветру. Moutonner[1], так говорят французы. Простое и меткое слово.

Отец Конми, читая свой часослов, следил за стадом облачных барашков, проплывавших над Раскофи. Его щиколотки в тонких носках покалывало жнивье на полях Клонгауса. Он гулял там, читая, по вечерам и слышал крики мальчиков, игравших на площадке, юные крики в тихом вечернем воздухе. Он был их ректором; он правил кротко.

Отец Конми снял перчатки и достал из кармана требник с красным обрезом. Закладка из слоновой кости отмечала страницу.

Часы. Это следовало прочитать до завтрака. Но пришла лэди Максвел.

Отец Конми прочитал про себя Pater и Ave[1] и перекрестился. Deus in adiutorium[2].

Он шел, не спеша, и про себя читал часы, идя и читая, пока не дошел до *Реш*[3] ḅ Beati immaculati[4].

Сквозь просвет в живой изгороди пробрался раскрасневшийся молодой человек, а за ним молодая женщина с пучком кивающих ромашек в руке. Молодой человек отрывисто приподнял шляпу; молодая женщина отрывисто поклонилась и медленно, заботливо отцепила сучек, повисший на ее легкой юбке.

Отец Конми с достоинством благословил обоих и перевернул тонкую страничку требника *Шин*[5]: Prinsipes persecuti sunt me gratis: et a verbis tuis formidavit cor meum[6].

* * *

Корни Келлехер закрыл длинный журнал и посмотрел из под опущенных век на сосновую крышку гроба, как часовой стоявшую в углу. Он выпрямился, подошел к ней и, повернув ее вокруг оси, осмотрел ее выпуклость и медные украшения. Пожевывая соломинку, он отставил гробовую крышку и пошел к дверям. Здесь он надвинул шляпу на лоб, чтобы затенить глаза, и прислонился к притолоке, лениво глядя на улицу.

Отец Джон Конми на Ньюкоменском мосту садился в трамвай, идущий на Долимаунт.

Корни Келлехер скрестил свои огромнобашмачные ноги и глядел, надвинув шляпу на лоб, пожевывая соломинку.

Констэбль номер 57 с на своем посту от скуки заговорил с ним.

— Прекрасная погода, мистер Келлехер.

[1] Завиваться барашками (фр.).

[1] Отче наш и богородица (лат.).
[2] Бог наше прибежище и сила (лат.).
[3] Реш — буква еврейского алфавита.
[4] Блаженны непорочные (лат.).
[5] Шин — буква еврейского алфавита.
[6] Князья мира сего гнали меня: и словом твоим укрепилось сердце мое (лат.).

— Да, сказал Корни Келлехер.

— Очень душно, сказал констэбль.

Корни Келлехер пустил дугой изо рта беззвучную струю соломенного сока; а в это время из окна на Эклз-стрит щедрая белая рука бросила вниз мелкую монетку.

— Что новенького? спросил он.

— Я видел этого типа вчера вечером, сказал констэбль, понизив голос.

* * *

Одноногий матрос прокостылял за угол Мак-Коннел-стрит, огибая тележку мороженщика, и заковылял дальше по Эклз-стрит. Перед Ларри О'Рурком, без пиджака стоявшим в дверях, он недружелюбно прохрипел:

— *За Англию...*

Он резким рывком перепрыгнул дальше, мимо Кэти и Буди Дедалус, остановился и прохрипел:

— .... *за родину и красоту.*

Бледному озабоченному лицу Дж. Дж. О'Моллой сообщили, что мистер Ламберт на складе с посетителем.

Полная лэди остановилась, достала из кошелька медную монетку и бросила ее в протянутый картуз. Матрос проворчал спасибо, кисло оглядел невнемлющие окна, опустил голову и проковылял на четыре шага дальше.

Он остановился и сердито прохрипел:

— *За Англию...*

Двое босоногих мальчишек, сосавших длинные лакричные леденцы, остановились возле него, с открытыми, желтоизмазанными ртами, глазея на его обрубок ноги.

Он заковылял дальше энергичными рывками, остановился, поднял голову к окну, и басом пролаял:

— ..... *за родину и красоту.*

Веселое, нежное чириканье за окном продолжалось еще один-два такта. Оборвалось. Занавески раздвинулись. Карточка с надписью «Сдаются квартиры без мебели» соскользнула с рамы и упала. Пухлая белая рука сверкнула, стала видна вместе с белым лифчиком и тугими бретельками. Женские пальцы бросили монетку поверх ограды палисадника. Она упала на тротуар.

Один из мальчишек подбежал, поднял ее и опустил в картуз менестреля, сказав:

— Пожалуйста, сэр.

* * *

Кэти и Буди Дедалус распахнули дверь в душную, полную пара кухню.

— Ты носила книги? спросила Буди.

Мэгги у плиты дважды ткнула палкой в серую массу в пузырящейся мыльной пене и отерла лоб.

— Ничего за них не дают, сказала она.

Отец Конми прогуливался по полям Клонгауса, жнивье покалывало его щиколотки в тонких носках.

— А ты куда ходила? спросила Буди.

— К Мак-Гиннес.

Буди топнула ногой и швырнула сумку на стол.

— Чтоб ей лопнуть, толстой дуре, крикнула она.

Кэти подошла к плите и осмотрела ее косыми глазами.

— Что в горшке? спросила она.

— Рубашки, сказала Мэгги.

Буди сердито закричала:

— Чорт, а поесть нечего?

Кэти, прихватив крышку подолом своей испачканной юбки, сняла ее с котла.

— А тут что?

В ответ вылетела густая струя пара.

— Гороховый суп, сказала Мэгги.

— Откуда достала? спросила Кэти.

— Сестра Мэри Патрик принесла, сказала Мэгги.

Служитель потряс колокольчиком.

— Тарам!

Буди села к столу и сказала жадно:

— Давай его сюда!

Мэгги налила из котла густого желтого супа в миску.

Кэти уселась напротив Буди и, кончиком пальцев подбирая в рот рассыпанные по столу крошки, сказала мирно:

— Хорошо, что хоть это есть. А где Дилли?

— Пошла к Диллону, туда придет отец, сказала Мэгги.

Буди, кроша ломти хлеба в желтый суп, добавила:

— Отец наш иже не еси на небеси.

Мэгги, наливая желтый суп в миску Кэти, воскликнула:

Буди! Как тебе не стыдно!

Кораблик, скомканный листок, грядет Илья, легко плыл вниз по Лиффи, под Лупплайнским мостом, мчался через стремнины там, где вода разбивалась о сваи, держа курс на восток, мимо корабельных бортов и якорных цепей, между старым доком Таможни и набережной Джордж.

* * *

Белокурая девушка у Торнтона устилала дно плетеной корзинки шуршащей стружкой. Горячка Бойлен подал ей бутылку, завернутую в розовую бумагу и небольшую банку.

— Это на дно, сказал он.

— Да, сэр, сказала белокурая девушка, а фрукты сверху.

— Правильно, вот умница, сказал Горячка Бойлен.

Она аккуратно уложила мясистые груши, попарно, хвостиками в разные стороны, а между ними спелые, стыдливощекие персики.

Горячка Бойлен, в новых коричневых ботинках расхаживал взад и вперед по пахнущей плодами лавке, трогал фрукты, молодые сочные, сморщенные и пухлые красные помидоры, принюхиваясь к запахам.

М. Х. Э. Л. И.[1] продефилировали перед ним, в белых цилиндрах, вдоль Танжер-лэйн, шагая к своей цели.

Он вдруг отвернулся от решета с клубникой, вынул золотые часы из кармана и протянул их вперед, насколько позволяла цепочка.

— Можете вы их послать сейчас же? На трамвае?

Темноспинная фигура под Аркой Купцов просматривала книги на тележке букиниста.

— Разумеется, сэр. Это в центре?

— О, да, сказал Горячка Бойлен. Десять минут отсюда.

Белокурая девушка подала ему карточку и карандаш.

— Напишите адрес, сэр.

Горячка Бойлен написал, стоя у прилавка, и подвинул к ней карточку.

— Пошлите сейчас же, сказал он. Это для больной.

— Хорошо, сэр. Сейчас пошлю, сэр.

Горячка Бойлен позвякал веселыми монетками в кармане.

— На сколько вы меня разорили? спросил он.

Тонкие пальцы девушки пересчитали фрукты.

Горячка Бойлен заглянул в вырез ее блузки. Хорошенькая курочка. Он вынул красную гвоздику из высокой стеклянной вазочки.

— Разрешите взять? спросил он игриво.

Девушка бочком поглядела на него, одетого небрежно, с галстуком немного набок, и порозовела.

— Пожалуйста, сэр, сказала она.

Кокетливо наклонясь, она снова пересчитала мясистые груши и розовеющие персики.

Горячка Бойлен еще благосклоннее заглянул ей в блузку, зажав стебель красного цветка в смеющихся зубах.

— Разрешите воспользоваться вашим телефоном, мисс? спросил он развязно.

* * *

— Ma![1] сказал Альмидано Артифони.

Он смотрел через плечо Стефена на шишковатую башку Голдсмиса.

Два битком набитых туристами шарабана проехали медленно, женщины сидели впереди, без стеснения цепляясь за поручни. Бледные лица. Руки мужчин без стеснения обнимали их тощие талии. От входа в Тринити Колледж они смотрели на слепой, весь в колоннах, портал Ирландского банка, где гургуровали голуби.

— Anch'io ho avuto di queste idee, сказал Альмидано Артифони, quand'ero giovine come Lei. Eppoi mi sono convinto che il mondo è una bestia. E peccato. Perchè la sua voce sarebbe un cespite di rendita, via. Invece, Lei si sacrifica[2].

— Sacrifizio incruento,[3] сказал Стефен, медленно качельнокачая свою ясеневую трость держа ее за середину.

— Speriamo, дружелюбно сказало круглое усатое лицо. Ma, dia retta a me Ci rifletta[1].

Возле грозной гранитной руки Граттана, повелевающей остановиться, трамвай Инчикорсой линии выгрузил духовой оркестр Шотландского полка.

— Ci rifletterò,[2] сказал Стефен, глядя на его массивную штанину.

— Ma, sul serio, eh?[3] сказал Альмидано Артифони.

Его тяжелая рука крепко сжала руку Стефена. Человеческие глаза. Мгновенье они смотрели на него с любопытством и торопливо обратились к трамваю, шедшему в Долки.

— Eccolo, сказал Альмидано Артифони с дружелюбной поспешностью. Venda a trovarmi e ci pensi. Addio, caro[4].

— Arrivederla, maestro, сказал Стефен, приподнимая шляпу, когда его рука освободилась. E grazie[5].

— Di che? сказал Альмидано Артифони. Scusi, eh? Tante belle cose![6]

Альмидано Артифони высоко подняв, как сигнал, свернутые трубочкой ноты, затрусил на толстых штанинах вслед за трамваем на Долки. Тщетно он трусил, тщетно давал сигнал в шумной толпе голоколенных шотландцев, протаскивавших свои инструменты через ворота Тринити.

* * *

Мисс Дэнн спрятала *Женщину в белом* из библиотеки на Кэпел-стрит, подальше в ящик стола и заложила листок безвкусной почтовой бумаги в машинку.

— Уж очень много туману напущено. Интересно, влюблен он в эту, Марион? Переменить ее, взять что-нибудь Мэри Сесил Хэй.

Кружок скользнул вниз по желобку, покрутился на месте, затих и показал число: шесть.

Мисс Дэнн отстукала на клавиатуре.

— 16 июня 1904 г.

Пять сэндвичменов в высоких белых цилиндрах прозмеились между углом Монипени-стрит и постаментом, на котором не стоял памятник Уолфу Тону, завернули — М. Х. Э. Л. И. — обратно и удалились точь в точь так же, как пришли.

Затем она уставилась на большую афишу с портретом Мэри Кендалл, прелестной субретки, и, лениво развалясь, принялась выводить на блокноте палочки, шестерки и заглавные «S». Горчичные волосы и накрашенные щеки. Ну что красивого? И юбочку-то как подхватила. Интересно будет тот сегодня на музыке. Если б эта портниха сшила мне плиссированную юбку, как у Сюзи Нагл. Шикарно развеваются. Шаннон и все франты из Яхт-Клуба глаз с нее не спускали. Только бы он не задержал меня здесь после семи.

Телефон грубо зазвонил ей в ухо.

— Алло. Да, сэр. Нет, сэр. Да, сэр. Я позвоню им после пяти. Только те два, сэр, в Бельфаст и в Ливерпуль. Хорошо, сэр. Значит я могу уйти после шести, если вы не придете. В четверть седьмого. Да, сэр. Двадцать семь и шесть. Я ему скажу. Да; один, семь, шесть.

Она записала три цифры на конверте.

— Мистер Бойлен! Алло! Заходил этот господин из Спорта, хотел вас видеть. Да, мистер Ленехэн. Он сказал, что будет у Ормонда, в четыре. Нет, сэр. Да, сэр. Я им позвоню после пяти.

* * *

Два розовых лица повернулись в свете крошечного факела.

— Кто это? спросил Нед Ламберт. Это Кротти?

— Рингабелла и Кроссхавен, ответил голос человека, ощупью искавшего куда поставить ногу.

— Хэлло, Джек, это вы! сказал Нед Ламберт, в знак приветствия поднимая гибкую рейку к мерцающим сводам. Идите сюда. Осторожней на ступеньках.

Восковая спичка в поднятой руке священника вспыхнула напоследок длинным мягким пламенем и была обронена. Красная искра угасла у их ног; и заплесневелый воздух сомкнулся вокруг них.

---

[1] Фирма «Мудрость Хэли».

---

[1] Ах чорт (лат.).

[2] Я тоже так думал, когда был молод, как вы. Потом я убедился, что мир — животное. Это жаль. Потому что ваш голос... Он был бы источником дохода. Вместо этого вы приносите себя в жертву. (итал.).

[3] Бескровная жертва.

---

[1] Будем надеяться. Скажите мне. Подумайте об этом (итал.).

[2] Подумаю (итал.).

[3] Но только серьезно, да? (итал.).

[4] Вот он. Приходите ко мне, и подумайте. Прощайте, дорогой (итал.).

[5] До свидания, маэстро. И спасибо (итал.).

[6] За что? Простите! Всего хорошего (итал.). (итал.).

— Как интересно! сказал в темноте изысканный голос.

— Да, сэр, радушно сказал Нед Ламберт. Мы находимся в историческом зале совещаний аббатства св. Марии, где шелковый Томас поднял мятеж в 1534 году. Это самое историческое место во всем Дублине. О'Мэдден Бэрк собирается что-то написать об этом. До Унии старый Ирландский банк помещался напротив через улицу, а старая еврейская молельня тоже стояла здесь до того, как они построили синагогу на Аделаид Род. Вы здесь раньше никогда не бывали, Джек?

— Нет, Нед.

— Он проехал по аллее Дам, произнес изысканный голос, если память мне не изменяет. Дворец Килдаров был в Томас Корт.

— Правильно, сказал Нед Ламберт. Совершенно правильно, сэр.

— Быть может, сказал священник, вы будете так добры, сэр, и в следующий раз позволите мне...

— Разумеется, сказал Нед Ламберт. Приходите с фотоаппаратом, когда вам будет угодно. Я велю убрать мешки с подоконников. Можно снимать отсюда или вот отсюда.

Он двигался во все еще слабом свете, постукивая рейкой по наваленным один на другой мешкам с семенами и показывая на полу места, откуда лучше снимать.

С длинного лица борода и взгляд опускались на шахматную доску.

— Чрезвычайно вам обязан, мистер Ламберт, сказал священник. Не смею отнимать у вас драгоценное время...

— Милости просим, сэр, сказал Нед Ламберт. Приходите, когда вам будет удобно. Скажем, на той неделе. Вам видно?

— Да, да. Прощайте, мистер Ламберт. Очень рад был познакомиться с вами.

— И я не меньше, сэр, ответил Нед Ламберт.

Он проводил своего гостя до выхода, затем швырнул рейку в темноту между столбами. Вместе с Дж. Дж. О'Моллой он медленно вышел во двор аббатства св. Марии, где возчики нагружали полки мешками с пальмовой мукой и со сладкими рожками в адрес О'Коннера Уэксфорд.

Он остановился и поглядел на карточку, которую держал в руке.

— Его преподобие Хью С. Лов, Раскоффи. Временный адрес: Сент Майкл, Саллинс. Очень милый молодой человек. Говорит, что пишет книгу о Фицжеральдах. На истории он собаку съел, сразу видно.

Молодая женщина медленно, заботливо отцепила сучек, повисший на ее легкой юбке.

— Я думал, вы готовите новый пороховой заговор, сказал Дж. Дж. О'Моллой.

Нед Ламберт щелкнул пальцами в воздухе.

— Ах, чорт, воскликнул он. — Я забыл ему рассказать про графа Килдарского, что он сказал после того, как поджег Кэшельский собор. Знаете? *Страшно жалею, что это сделал,* сказал он, *но, видит бог, я думал, что архиепископ там.* Впрочем, ему бы пожалуй не понравилось? Что? Нет, я ему все-таки расскажу. Это был тот знаменитый граф, Фицджералд Мор. Горячие были ребята, все эти Джералдайны.

Лошади, мимо которых он шел, беспокойно дергались в слабо натянутой упряжи. Он шлепнул по вздрагивающему крупу ближайшей лошади и крикнул:

— Тихо, сынок!

Он повернулся к Дж. Дж. О'Моллой и спросил:

— Ну, Джек? Что такое? В чем дело? Минуточку. Держись!

С разинутым ртом и запрокинутой головой он секунду стоял неподвижно и вдруг громко чихнул.

— Апчхи! сказал он. Ах, чтоб тебя!

— Пыль от мешков, вежливо сказал Дж. Дж. О'Моллой.

— Нет, просипел Нед Ламберт, я простудился... третьего дня... ах, чтоб тебя... третьего дня вечером... дьявольские сквозняки...

Он держал платок перед носом, готовясь...

— А сегодня утром я был... этот бедняга... как его там... Апчхи!.. Господи помилуй!

***

Том Рочфорд взял верхний кружок из стопки, которую он прижимал к своему виннокрасному жилету.

— Понимаете? сказал он. Скажем идет номер шестой. Вот. Здесь, понимаете? Текущий Номер.

Он опустил для них кружок в левое отверстие. Кружок скользнул вниз по желобку, покрутился на месте, затих, показывая число: шесть.

Юристы былых времен, надменные, в судейских мантиях, смотрели как из податного суда в уголовный прошел Ричи Гулдинг, неся портфель с бумагами Гулдинга, Коллиса и Уорда и слышали, как прошуршала из адмиралтейского отдела королевского суда в аппеляционный суд пожилая особа женского пола с недоверчиво оскаленными искусственными зубами, в черной шелковой юбке необ'ятной ширины.

— Понимаете? сказал он. Смотрите, последний, что я пропустил, вот он, сверху. Прошедшие Номера. Толчок. Действие рычага, понимаете?

Он показал на растущую стопку кружков справа.

— Остроумно, сказал Носастый Флинн, шмыгая носом. Так что, если кто опоздал, он сразу увидит какой номер идет сейчас и какие прошли.

— Понимаете? сказал Том Рочфорд.

Он опустил кружок для себя и следил как он скользнул, покрутился, показал, замер: четыре. Текущий Номер.

— Я его сейчас увижу у Ормонда, сказал Ленехэн, и его позондирую. Услуга за услугу.

— Да, пожалуйста, сказал Том Рочфорд. Скажите ему, что я в Горячке от нетерпения.

— Прощайте, сказал Мак Кой резко, не люблю когда вы, ребята, начинаете....

Носастый Флинн наклонился над рычагом, шмыгая носом.

— Но как эта штука действует, Томми? спросил он.

— Ну, пока, сказал Ленехэн, еще увидимся. Он прошел вслед за Мак-Коем, через крошечный квадрат Крамптон Корта.

— Он герой, сказал он просто.

— Я знаю, сказал Мак Кой... Вы про сточную трубу?

— Сточную трубу? сказал Ленехэн. — Это был смотровой колодец.

Они прошли мимо мюзик-холла Дана Лоури, где Мэри Кендалл, прелестная субретка, улыбалась им с афиши накрашенной улыбкой.

Идя по тротуару Сикамор-стрит возле мюзик-холла Эмпайр Ленехэн показывал Мак-Кою как все произошло. Открытый смотровой колодец, словно этакая вонючая газовая труба, и этот бедняга застрял там и почти уж задохся от сероводорода. И Том Рочфорд без дальних разговоров, как был в своем новеньком костюмчике, так и полез туда, только веревкой обвязался. И чорт возьми, ухитрился обвязать того веревкой и их вытащили обоих.

— Героический поступок, сказал он.

На Долфин они остановились, пропуская карету скорой помощи, галопом мчавшуюся к Джервис-стрит.

— Сюда, сказал он, сворачивая направо. Я хочу зайти к Линэму, узнать какие ставки на Скипетр. Который час на ваших золотых часах с цепочкой?

Мак-Кой заглянул в темную контору Марка Терция Мозеса, потом посмотрел на башенные часы.

— Четвертый час, сказал он. А кто жокей?

— О Мадден, сказал Ленехэн. Лошадка классная.

Дожидаясь возле бара Темпла, Мак-Кой, осторожно подталкивая носком банановую корку, сбросил ее с тротуара в сточную канаву. А то еще расшибется кто-нибудь, как пойдет тут в темноте под хмельком.

Ворота широко распахнулись, выпуская вице-королевский кортеж.

— Один на один, сказал Ленехэн, возвращаясь. Я там наскочил на Бантэма Лайонса, пришел ставить на какую-то дурацкую лошадь — кто-то ему посоветовал, а шансов у нее, можно сказать, никаких. Теперь сюда.

Они поднялись по ступенькам под Арку Купцов. Темноспинная фигура листала книги на тележке букиниста.

— А вот и он, сказал Ленехэн.

— Интересно, что он покупает, сказал Мак-Кой, оглядываясь.

— *Леопольдо или Блюм в поисках клада,* сказал Ленехэн.

— Ни одной распродажи не пропустит, сказал Мак-Кой. Я раз был с ним и он купил книжонку у букиниста на Лиффи-стрит за два шиллинга. А в ней были прекрасные гравюры, которые одни стоили вдвое дороже, звезды и луна и кометы с длинными хвостами. Что-то по астрономии.

Ленехэн расхохотался.

— Насчет комет с хвостами я могу вам кое-что рассказать, сказал он. Перейдем на солнышко.

Они перешли через улицу к железному мосту и пошли по Веллингтонской набережной вдоль парапета.

Юный Патрик Алоизий Дигнэм вышел из мясной Мэнгана, бывшей Ференбаха, неся полтора фунта свиных котлет.

— Был фестиваль в Исправительной тюрьме Гленри, оживленно сказал Х. Ленехэн. Знаете, ежегодный банкет. Просят быть во фраках. Присутствовал лорд мэр, тогда это был Вэл Диллон, и сэр Чарлз Камерон и Дэн Доусон говорили речи и был концерт. Бартелл д'Арси пел, и Бенджамен Доллард...

— Я знаю, прервал Мак-Кой. Моя супруга как-то раз там пела.

— Вот как? сказал Ленехэн.

Карточка «Сдаются квартиры без мебели» снова появилась на оконной раме в доме номер 7 по Экклз-стрит.

Он на минуту замолчал, но сейчас же разразился сиплым смехом.

— Так дайте же рассказать, сказал он. Делахент с Кэмден-стрит поставил жратву, а ваш покорнейший был за виночерпия. Блум с женой тоже там были. Спиртного хоть залейся. Портвейн и херес и кюрасо, и мы всему воздали должное. Дым коромыслом. После жидких тел пошли твердые. Холодный филей и паштеты...

— Я знаю, сказал Мак-Кой. В тот год когда моя супруга...

Ленехэн горячо сжал его локоть.

— Дайте же рассказать, сказал он. В полночь мы еще раз закусили после всех развеселостей и когда мы, наконец, пустились в обратный путь, это уже был бог знает какой час завтрашнего утра. Возвращенье прекрасной зимней ночью через гору Пуховик. Блум и Крис Кэллинам на одном сиденьи, а я с его женой на другом. Мы распевали песенки и дуэты: *Вот утра первый луч.* Она за ужином зарядилась хорошей порцией Делахентовского портвейна и каждым толчком этой чортовой колымаги ее швыряло прямо на меня. Ах чорт возьми! У нее парочка таких, дай ей бог здоровья... Вот.

Он на целый локоть отставил согнутые руки, нахмурясь.

— Я все время подтыкал вокруг нее плед и поправлял ей боа. Понимаете?

Его руки лепили из воздуха пышные формы. Он крепко зажмурился от удовольствия, пожимаясь всем телом, и издал губами мелодичное чириканье.

— Она кобылка хоть куда, сказал он со вздохом, ничего не скажешь. Блум показывал Крису Кэллинану и вознице все звезды и все кометы, какие есть на небе: большую медведицу и Геркулеса, и дракона и прочую шушеру. Ну а я, так сказать, утопал в млечном пути. Он их все знает, честное слово. Под конец она высмотрела какую-то крошечку-каплюшечку. И спрашивает его: *Полди, а это какая звезда?* Приперла Блума к стенке, честное слово.

Ленехэн остановился и прислонился к парапету, задыхаясь от тихого смеха.

— Ой помру, захлебнулся он.

Белое лицо Мак-Коя временами улыбалось рассказу, затем стало строгим. Ленехэн опять зашагал. Он поднял свою капитанку и быстро почесал себе затылок. Он боком поглядел в солнечном свете на Мак-Коя.

— Он разносторонний человек, этот Блум, сказал он серьезно. Не какой-нибудь, знаете ли?.. В нем есть что-то артистическое, в нашем Блуме.

* * *

Мистер Блум лениво переворачивал страницы *Жутких разоблачений Марии Монк* потом Аристотелева *Органона*. Крючковатый неуклюжий шрифт. Цветные таблицы: младенцы, свернувшиеся клубочком, в кровавокрасных утробах, похожих на печенки зарезанных коров. Множество точь в точь таких в эту самую минуту по всей земле. Все толкаются своими черепами, чтобы выйти вон. Каждую минуту кто-нибудь где-нибудь рождается. Миссис Пьюрфой.

Он отложил обе книги и взглянул на третью: *Рассказы о Гетто* Леопольда фон Захер Мазох.

— Это у меня было, сказал он, откладывая ее в сторону.

Букинист бросил два томика на прилавок.

— Вот хорошие книги, сказал он.

Луковый запах его дыхания долетел через прилавок из его беззубого рта. Он нагнулся, чтобы захватить стопку других книг, прижал их к своему растегнутому жилету и унес их за грязную занавеску.

На мосту О'Коннеля многочисленные прохожие обращали внимание на важную осанку и легкомысленный наряд мистера Дениса Магинни, учителя танцев и т. п.

Мистер Блум, в одиночестве, читал заглавия. *Тираны в юбках* Джемса Ловберч. Знаю про что это. Читала она? Да.

Он раскрыл ее. Так и знал.

Женский голос позади грязной занавески. Слушай: мужчина.

Нет; это ей навряд ли понравится. Уже приносил ей такие.

Он прочитал другое заглавие: *Прелести греха*. Это больше в ее вкусе. Посмотрим.

Он прочел, открыв наугад страницу.

Все золото, которым осыпал ее муж, она тратила в магазинах на роскошные платья и дорогие безделушки. Ради него! Ради Рауля!

Да. Вот. Эта. Подойдет. А дальше?

Их губы слились в сладострастном поцелуе в то время как его руки ласкали ее пышные формы под легкой тканью матинэ.

Да. Возьму эту. А чем кончается?

Вы запоздали, хрипло сказал он, бросая на нее подозрительный и злобный взгляд. Стройная красавица сбросила отороченное собольим мехом манто, обнажив свои царственные плечи и высоко вздымающуюся пышную грудь. Неуловимая улыбка играла на ее безупречных губах, когда она спокойно повернулась к нему.

Мистер Блум перечел: *Стройная красавица.* Тепло медленно залило его, расслабляя его плоть. Податливая плоть под смятым платьем. Белки закатившихся глаз. Его ноздри раздулись. Тающее притирание для груди (*Ради него! Ради Рауля!*)... Луковый запах подмышек. Липкий студень. (*Пышная грудь!*) Трогай! Сжимай! Стисни! Серный львиный навоз!

Юность! Юность!

Пожилая особа женского пола, юность миновала, вышла из здания судебной палаты, королевский суд, податной и гражданский суд, прослушав в суде Лорда Канцлера дело о помешательстве Поттертона, в адмиралтейском суде дело о претензии владельцев *Лэди Кэйрнс* к владельцам барки *Мона*, в апелляционном суде кассацию по делу Гарвея против Морского Страхового Общества.

Клокочущий кашель потряс воздух в книжной лавке, колебля грязную занавеску. Нечесаная седая голова букиниста появилась из-за занавески и его небритое покрасневшее лицо, сотрясаемое кашлем. Он громко отхаркнул, сплюнул мокроту на пол. Он наступил башмаком на свой плевок, растер подошвой и нагнулся, показывая розовую скудноволосую макушку.

Мистер Блум созерцал ее.

Сдерживая свое взволнованное дыхание, он сказал:

— Я возьму вот эту.

Букинист поднял глаза, гноящиеся от застарелого насморка.

— *Прелести греха*, сказал он, похлопывая по переплету. Хорошая книжка.

* * *

Служитель в дверях аукционного зала Диллона снова дважды потряс колокольчиком и посмотрелся в замазанное мелом зеркало туалетного стола.

Дилли Дедалус, стоявшая на тротуаре, услышала удары колокольчика и выкрики аукциониста внутри. Четыре девять. Вот красивые занавески. Пять шиллингов. Вот нарядные занавески. За новые две гинеи отдадите. Пять шиллингов, кто больше? Идет за пять шиллингов.

Служитель поднял колокольчик и потряс:

Тарам!

Удар колокола пришпорил велосипедистов на их полумильном пробеге. Дж. А. Джексон, У. Е. Уайли, А. Мэнро и Х. Т. Гахан, напрягая вытянутые шеи брали поворот возле университетской библиотеки.

Мистер Дедалус, подергивая длинный ус, вышел из-за угла Уильямс Род. Он остановился возле дочери.

— Пора уж тебе притти, сказала она.

— Держись прямо, ради всего святого, сказал мистер Дедалус. Ты хочешь быть как твой дядя Джон, кларнетист, плечи выше головы! Святые угоднички!

Дилли пожала плечами. Мистер Дедалус взял ее за плечи и распрямил их.

— Держись прямо, девочка, сказал он. Наживешь себе искривление позвоночника. Знаешь, на что ты похожа?

Он вдруг свесил голову, втянул ее в плечи, и раскрыл рот.

— Будет, отец, сказала Дилли. На тебя все смотрят.

Мистер Дедалус выпрямился и снова подергал свой ус.

— Денег достал? спросила Дилли.

— Где я тебе достану денег? сказал мистер Дедалус. Ни одна душа во всем Дублине не даст мне и пенни.

— У тебя есть деньги, сказала Дилли, глядя ему в глаза.

— А ты почем знаешь? спросил Дедалус, подпирая языком щеку.

Мистер Кернан, радуясь полученному заказу, гордо шагал по Джемс-стрит.

— А вот знаю, сказала Дилли. Ты был сейчас в Шотландском баре?

— А вот и не был, сказал мистер Дедалус, улыбаясь. Это тебя монашки научили дерзить отцу? Держи.

Он протянул ей шиллинг.

— Постарайся как-нибудь этим обойтись, сказал он.

— Ты небось целых пять достал, сказала Дилли. Давай еще.

— Смотри ты у меня, сказал мистер Дедалус угрожающе. И ты такая же как твои сестрицы, да? С тех пор как умерла ваша мать, вы словно свора нахальных сучек стали. Но вы когда-нибудь дождетесь. Негодяйки этакие. Я с вами много разговаривать не буду. Вот загоните меня в гроб, тогда сами заплачете. Он умер. Господин из верхней квартиры умер.

Он оставил ее и зашагал дальше.

Дилли побежала за ним и ухватила его за полу.

— Ну, чего тебе? сказал он, останавливаясь.

Служитель потряс колокольчиком у них за спиной.

— Тарам!

— Провались ты, крикнул мистер Дедалус, оборачиваясь к нему.

Служитель, вняв окрику, снова качнул болтающимся языком колокольчика, но уже тихонько:

— Трам!

Мистер Дедалус воззрился на него.

— Вот полюбуйтесь, сказал он. Поучительное зрелище. Хотел бы я знать, даст он нам поговорить?

— Ты ведь больше достал, отец, сказала Дилли.

— Я с вами сыграю штуку, вот увидите, сказал мистер Дедалус. Брошу вас, как Христос евреев. Смотри, вот все, что у меня есть. Я занял два шиллинга у Джека Пауэра и два пенса истратил, чтоб побриться, когда шел на похороны.

Он раздраженно вытащил горсть медных монет.

— Неужели ты не можешь еще где-нибудь разыскать денег, сказала Дилли.

Мистер Дедалус подумал и кивнул.

— Сейчас, сказал он серьезно. Я уже искал в канаве на О'Коннел-стрит. Теперь поищу на этой улице.

— Ты все остришь, сказала Дилли, с кривой усмешкой.

— Вот тебе, сказал мистер Дедалус, протягивая два пенни. Купи себе стакан молока и булочку. Я скоро приду домой.

Он сунул остальные монеты в карман и зашагал дальше.

Вице королевский кортеж, приветствуемый подобострастными полисменами, выехал из ворот Парка.

— Я уверена, что у тебя еще есть шиллинг, сказала Дилли.

Служитель зазвонил громко.

Мистер Дедалус среди трезвона шагал, бормоча себе под нос, жеманно, сердечком складывая губы:

— Маленькие монашки! Милые маленькие созданьица! Ах, что вы, как можно! Ах, что вы, ни за что на свете! Неужели это сестрица Моника!

* *
*

От солнечных часов к Джемс Гэйт шагал мистер Кернан, радуясь заказу, полученному от Пульбрука Робертсона, гордо вдоль Джемс-стрит, мимо конторы Шекльтона. Здорово это у меня получилось. Как поживаете, мистер Кримминс? Очень хорошо, сэр. Я боялся что вы сейчас в вашей другой конторе в Пимлико. Как дела? Потихоньку. Чудесная погода стоит. Да, чудесная. Хорошо для полей. Ну, фермеры всегда ворчат. Пожалуй, я выпью рюмочку вашего замечательного джина, мистер Кримминс. Джин отличный. Прошу вас, сэр. Какая ужасная катастрофа, этот взрыв на *Генерале Слокаме*. Ужасно, ужасно. Тысячи жертв и душераздирающие сцены. Мужчины топтали ногами женщин и детей. Чудовищно. А какая причина, что об этом говорят? Самовозгорание в трюме; скандальные разоблачения. Ни одной исправной спасательной лодки и пожарная кишка вся в дырах. Чего я не могу понять, это как инспекторы допустили, чтоб такое судно... Вы совершенно правы, мистер Кримминс. А знаете почему? Подмазали кого надо. Неужели? Никаких сомнений. Вы только подумайте. А еще говорят, что Америка страна свободы. Я думал, что это только у нас.

Я улыбнулся ему. *Америка,* сказал я, очень спокойно, вот так. *Что такое Америка? Это отбросы всех стран, включая и нашу. Разве не правда?* Так оно и есть.

Взятки, дорогой сэр. Разумеется, где много денег, там всегда найдутся охотники поживиться.

Заметил, как он смотрел на мой сюртук. Все дело в костюме. Ничто так не импонирует, как хороший костюм. Уважают тебя.

— Хэлло, Саймон, сказал отец Каули. Как живем?

— Хэлло, Боб, старина, ответил мистер Дедалус, останавливаясь.

Мистер Кернан остановился, охорашиваясь перед наклонным зеркалом возле парикмахерской Питера Кеннеди. Элегантный сюртук, вне всякого сомнения. От Скотта с Доусон-стрит. Стоит того полусоверена, что я за него отдал Нифи. Цена ему никак не меньше трех гиней. Сидит как вылитый. Должно быть принадлежал какому нибудь клубному щеголю. Джон Маллиган, директор Ибернийского банка, вчера на Карлайлском мосту так на меня посмотрел, как будто он меня узнал.

А-гм. Приходится держать фасон с этой публикой. Рыцарь с большой дороги. Джентльмен. Надеемся, мистер Кримминс, что вы и впредь не откажете нам в своем внимании, сэр. Напиток, который веселит, но не пьянит, как говорили в старину.

Северная стена и набережная сэра Джона Роджерсона; борта судов и якорные цепи, плывя на запад, проплывал кораблик, скомканный листок, качаясь на зыби от парома, грядет Илия.

Мистер Кернан бросил прощальный взгляд на свое отраженье. Раскраснелся, так и есть. Седеющие усы. Отставной офицер индийской армии. Он браво нес свое квадратное туловище на ногах в светлых гетрах, расправляя плечи. Это кто, брат Ламберта, на той стороне, Сэм? Что? Да. Чертовски похож. Нет. Щиток этого автомобиля на солнце. Сверкнуло. Чертовски похож.

А-гм. Горячий спирт с можжевеловым соком согрел ему внутренности и дыханье. Славный был джин. Фалды его сюртука подмигивали в ярком солнечном свете в такт его жирной походке.

Вон там Эммет был повешен, колесован и четвертован. Сальная черная веревка. Собаки лизали кровь на мостовой, когда жена Лорда-наместника проезжала мимо в своей коляске.

Позвольте. Где он похоронен, на кладбище в Сент Майкэн? Нет, хоронили в полночь на Гласневине. Тело пронесли через потайную дверь в стене. Теперь Дигнэм тоже там. Умер внезапно. Да, да. Лучше свернуть здесь. Сделать крюк.

Мистер Кернан повернул и спустился по Уотлинг-стрит мимо угла, где ожидалка для посетителей завода Мак-Гиннесс. Перед складами Дублинской Винокуренной Компании стояла деревенская повозка без кучера и седока, вожжи привязаны к колесу. Чертовски опасная штука. Какой-то болван из Типпирери подвергает опасности жизнь горожан. Сбежала лошадь.

Денис Брийн, со своими фолиантами, устав ждать целый час в конторе Джона Генри Ментона, вел свою жену через мост О'Коннела, держа курс на контору Коллиса и Уорда.

Мистер Кернан приближался к Айлэнд-стрит.

Смутные времена. Надо попросить у Неда Ламберта мемуары сэра Джонаса Баррингтона. Когда видишь все это словно в ретроспективной аранжировке. Картеж у Дэли. Тогда опасно было передергивать. Одному пригвоздили руку к столу кинжалом. Где-то здесь лорд Эдвард Фицджералд убежал от майора Сирр. Через конюшни позади дома Мойра.

Отличный был джин.

Блестящий юный дворянин. Конечно, из знатного рода. Этот негодяй самозванный сквайр, в лиловых перчатках, предал его. Конечно, они защищали неправое дело. Им жить пришлось в дни мрака и войны. Прекрасные стихи: Ингрэм. Они были джентльменами. Очень трогательно Бен Доллард поет эту балладу. Мастерское исполнение. И отец мой пал под стенами Росса. Кортеж мелкой рысью проезжал вдоль Пемброкской набережной, форейторы скоком, скоком в своих седлах, седлах. Сюртуки. Кремовые зонтики. Мистер Кернан ускорил шаг, тяжело отдуваясь.

Его сиятельство! Какая досада! На одну секунду опоздал! Чорт возьми! Какая жалость!

***

Стефен Дедалус смотрел сквозь затянутое пылью окно, как пальцы ювелира ощупывали тусклую от времени цепочку. Пыль паутиной затянула стекло и полки витрины. Пыль темнила шевелящиеся пальцы с ястребиными когтями. Пыль дремала на тусклых завитках бронзы и серебра, на финифтяных подвесках, на рубинах, на из'еденных проказой винно-темных камнях.

Рожденные в темной червивой земле, застывшие искры, злые огоньки, сверкающие в темноте. Где падшие архангелы обронили звезды со своего чела. Грязные свиные рыла, руки, роют и роют, хватают, исторгают их.

Она пляшет в зловонной полутьме, где пахнет чесноком и горящей смолой. Матрос, ржавобородый, потягивает ром из кружки и смотрит на нее. Долгая, морем вскормленная молчаливая похоть. Она пляшет, кружится, трясет своими окороками, на толстом ее животе подпрыгивает рубиновое яйцо.

Старик Рэссел снова потер грязным куском замши драгоценный камень, повернул его и поднес к кончику своей моисеевой бороды. Дедушка орангутанг, любующийся украденным сокровищем.

А вы, что исторгаете древние образы из могильной земли. Бредовые слова софистов: Антисфен, наркоз мудрости. Восточная и бессмертная пшеница, пребывающая от века и до века.

Две старухи, наглотавшись морского воздуха, тащились через Айриштаун по Лондон Бридж Род одна с испачканным в песке зонтиком, другая с акушерской сумкой, в которой побрякивали одиннадцать сердцевидок.

Жужжание хлопающих кожаных ремней и гудение динамо-машин на силовой станции побудили Стефена тронуться в путь. Существа, лишенные существования. Стой. Вечное биение вне тебя и вечное биение внутри. О сердце своем ты поешь. Я между ними. Где? Между двумя грохочущими мирами, там, где они сливаются в водовороте, я. Рассеять их, оба. Но и тебя оглушит ударом. Пусть рассеет тот, кто может. Сводня и мясник, вот как надо было сказать. А что если? Только не сейчас. Пройтись немножко.

Да, совершенно верно. Очень большие, замечательные, прекрасный ход. Вы правы, сэр. В понедельник утром. Ну да, именно.

Стефен пошел по Бедфорд Роу, ручка ясеневой трости постукивала по его лопатке. В витрине Клохисси выцветшая гравюра 1860 года Матч Хинан — Сэйерс, привлекла его взгляд. Зрители в цилиндрах раструбом, глазея, стояли вокруг обведенного веревкой ринга. Тяжеловесы в легких набедренных повязках любезно протягивали друг другу свои шарообразные кулаки. И у них внутри бьется: сердца героев.

Он повернул и остановился у тележки букиниста.

— Любая за два пенса, сказал торговец. Четыре на сикспенс.

Истрепанные страницы. *Ирландский пчеловод. Жизнь и чудеса кюре из Арса. Карманный путеводитель по озерам Килларней.*

Не тут ли мои школьные награды, которые они снесли в заклад? Stephano Dedalo, alumno optimo, palmam ferenti[1].

Отец Конми, окончив читать часы, шел через деревушку Донникарни, бормоча вечерню.

Нет, у моих пожалуй переплеты слишком хороши, что это такое? Восьмая и девятая книги Моисея. Тайна тайн. Печать царя Давида. Захватанные страницы; усердно читали. Кто тут был до меня? Как смягчить потрескавшуюся кожу. Рецепт изготовления уксуса из белого вина. Как добиться успеха у женщин. Это для меня. Сложив руки, трижды прочитай следующее заклинание: Se el yilo nebrakada femininum! Amor me solo! Sanctus. Amen.[2]

Кто это написал? Заговоры и заклинания благословеннейшего аббата Питера Саланка, обнародованные для всех верующих. Ничем не хуже тех, которые бормочет любой аббат, косноязычный Иоахим, например. Вниз плешивая башка, как бы тебе совсем не оплешиветь.

— Что ты тут делаешь, Стефен?

Сутулые плечи Дилли и поношенное платье.

Скорей закрыть книгу. Чтоб не видела.

— А ты что? сказал Стефен.

Стюартовское лицо несравненного Чарльза, плоские локоны, свисающие вдоль щек. Оно пылало, когда она сидела на корточках, подбрасывая в огонь старые башмаки. Я рассказывал ей о Париже. Валяется подолгу в постели, укрывшись старыми пальто, играя томпаковым браслетом, подарком Дана Келли.

Nebrakada femininum.

— Что это у тебя? спросил Стефен.

— Я это купила на том лотке, за пенни, сказала Дилли, нервно смеясь. Эта годится?

Говорят у нее мои глаза. Значит таким меня видят другие? Быстрая, далекая и дерзкая. Тень моего интеллекта.

Он взял растрепанную книжонку у нее из рук. Элементарный курс французского языка Шарденаля.

— Зачем ты это купила? спросил он.— Хочешь французскому учиться?

Она кивнула, покраснев и плотно сжав губы.

Не выказывай удивления. Вполне естественно.

— Возьми, сказал Стефен. Ничего, годится. Смотри, чтоб Мэгги и ее не заложила. Мои книги наверно все спустили.

— Кое-какие, сказала Дилли. Пришлось.

Она тонет. Скверна. Спаси ее. Скверна. Все против нас. Она утопит и меня с собой, мои глаза и волосы. Водоросли волос плоскими завитками вокруг меня, мое сердце, моя душа. Горькая зеленая смерть.

Мы.

Скверна души. Душа в скверне.

Горе! Горе!

***

— Хэлло, Саймон, сказал отец Каули. Как живем?

— Хэлло, Боб, старина, ответил мистер Дедалус, останавливаясь.

Они громко хлопнули друг друга по ладоням возле лавки Редди и Дочь. Отец Каули, сложив руки горсткой, несколько раз провел по усам, сверху вниз.

— Что хорошего? сказал мистер Дедалус.

— Хорошего мало, сказал отец Каули. Не могу попасть в собственный дом, Саймон: двое молодцов караулят у под'езда, ждут случая, чтоб проникнуть ко мне.

— Весело, сказал мистер Дедалус. А кто это вам удружил?

— О, сказал отец Каули. Небезызвестный вам процентщик.

— Ах, этот горбатый? спросил мистер Дедалус.

— Он самый, Саймон, ответил отец Каули. Из колена Рувимова. Я здесь жду Бена Долларда. Он хотел замолвить словечко Длинному Джону, уговорить его, чтоб тот убрал этих молодцов. Мне бы только небольшую отсрочку.

Со смутной надеждой он поглядел вправо и влево, вдоль набережной, большой кадык выпячивался на его шее.

— Знаю, сказал мистер Дедалус, кивнув. Добрый старый косолапый Бен. Всегда готов выручить приятеля. Эй, смотрите!

[1] Стефену Дедалусу, лучшему ученику, в награду

[2] Набор слов. Последние слова: люби меня одного, да святится аминь.

Он надел пенснэ и секунду смотрел по направлению к железному мосту.

— Вот и он, честное слово, сказал он, собственной задницей.

Цилиндр раструбом, мешковатая синяя визитка и широкие брюки Бена Долларда быстро двигались от железного моста по набережной. Он иноходью приближался к ним, усердно почесывая сзади под фалдами.

Когда он подошел, мистер Дедалус приветствовал его:

— Держите его за обе штанины.

— А ну, попробуйте, сказал Бен Доллард.

Мистер Дедалус холодным презрительным взглядом обвел фигуру Бена Долларда. Затем, многозначительно подмигнув Каули, он пробормотал с насмешкой:

— Подходящий костюмчик, а, для такой погоды?

— Будьте вы прокляты, свирепо проворчал Бен Доллард, я на своем веку столько костюмов сносил, сколько вам и во сне не снилось.

Он, сияя улыбкой, посмотрел сперва на них, потом на свой просторный костюм: мистер Дедалус сдул с него в нескольких местах пушинки и сказал:

— В этот костюм, Бен, таких как ты влезло бы двое.

— Нелегкая бы взяла того болвана, который его шил, сказал Бен Доллард. Одно утешение, что ему еще не заплачено.

— А как поживает basso profondo [1], Бенджамен? спросил отец Каули.

Кэшел Бойл О'Коннор Фицморис Тисдэл Фаррел, бормочущий, стекляннoглазый, прошел мимо клуба на Килдар-стрит.

Бен Доллард нахмурился и внезапно округлив рот как певец, издал низкую ноту.

— О-о-о! сказал он.

— Вот это голос, сказал мистер Дедалус, одобрительно кивая.

— Каково? сказал Бен Доллард. Не заржавел, а? Что?

Он обратился к обоим.

— Недурно, сказал отец Каули, тоже кивая.

Его преподобие Хью С. Лов шел от старого Дома Капитула аббатства св. Марии мимо ректификационного завода Джемса и Чарлза Кеннеди, сопровождаемый Джеральдайнами, статными красавцами, по направлению к Толзелу за Хэрдлской переправой.

Бен Доллард, тяжело кренясь в сторону витрин, потащил их вперед, взмахивая в воздухе веселыми пальцами.

— Идемте со мной в контору помощника шерифа, сказал он. Хочу вам показать какого себе Рокк завел красавчика судебного пристава. Нечто среднее между лешим и домовым. Стоит посмотреть. Уверяю вас. Идемте. Я только что случайно встретил Джона Генри Ментона в Бодеге и побей меня бог, если я не... дайте срок мы на правильном пути, Боб, поверьте мне.

— Скажите ему, что это только на несколько дней, тревожно сказал отец Каули.

Бен Доллард остановился и глядел на него, разинув свой громогласный рот. Блестящая пуговица болтавшаяся на ниточке подрагивала у него на визитке, когда он, чтобы лучше слышать, вытирал капли пота, туманившие ему глаза.

— Как, несколько дней? прогремел он. Разве наш домохозяин не подал ко взысканию?

— Подал, сказал отец Каули.

— Тогда исполнительный лист нашего приятеля не стоит даже той бумаги, на которой он написан, сказал Бен Доллард. Иск домохозяина удовлетворяется в первую очередь. Я ему все подробно рассказал. Виндзор Авеню 29. Его кажется зовут Лов?

— Совершенно верно, сказал отец Каули. Его преподобие мистер Лов. У него приход где-то в провинции. Но вы уверены, что это так?

— Можете передать от меня Варраве, сказал Бен Доллард, пусть он засунет свой исполнительный лист туда, куда Жако засунул орехи.

Он весело потащил за собой отца Каули, пришвартованного к его корпусу.

— Не орехи, а каштаны, сказал мистер Дедалус, роняя пенснэ на свой пластрон и следуя за ними.

[1] Глубокий бас (итал.)

* * *

— Ничего, устроим юнца, сказал Мартин Каннингхэм, когда они вышли из ворот Замка.

Полисмен взял под козырек.

— Будьте здоровы, весело сказал Мартин Каннингхэм.

Он сделал знак дожидавшемуся извозчику, который тотчас дернул вожжи и тронулся по направлению к Лорд Эдвард-стрит.

Бронза и золото, голова мисс Кеннеди и голова мисс Дус, появились над занавеской в окне Ормонд Отеля.

— Да, сказал Мартин Каннингхэм, пощипывая бороду. Я написал отцу Конми и изложил ему все обстоятельства дела.

— Можно было бы еще обратиться к нашему другу, робко вставил мистер Пауэр.

— Бойду? коротко сказал Мартин Каннингхэм. Благодарю покорно.

Джон Уайз Нолан, который отстал от них, читая подписной лист, быстро шел им вдогонку по Корк Хилл.

На лестнице Сити Холл советник Наннетти, спускавшийся, приветствовал олдермена Каули и советника Абрагама Лайона, подымавшихся.

Муниципальный фургон, пустой, завернул на Эксчендж-стрит.

— Смотрите, Мартин, сказал Джон Уайз Нолан, нагнав их возле редакции *Утренней почты,* Блум подписался на пять шиллингов.

— Совершенно верно, сказал Мартин Каннингхэм, беря лист. Мало того, тут же их выложил.

— И не пикнул, сказал мистер Пауэр.

— Невероятно, но факт, добавил Мартин Каннингхэм. Джон Уайз Нолан широко открыл глаза.

— Есть чувства добрые в еврее этом, проскандировал он.

Они пошли дальше по Парламент-стрит.

— Вон Джимми Генри, сказал мистер Пауэр, к Кавенеху держит путь.

— Ага, сказал Мартин Каннингхэм. Идем за ним.

Перед La Maison Claire Горячка Бойлен изловил зятя Джека Муни, горбатого, под хмельком, направлявшегося в Либертиз.

Джон Уайз Нолан и мистер Пауэр немного отстали, а тем временем Мартин Каннингхэм взял под руку аккуратного человечка в сером с искрой костюме неуверенно, быстрыми шажками проходившего мимо часов Микки Андерсона.

— Как видно мозоли порядком беспокоят помощника городского клэрка, сказал Джон Уайз Нолан мистеру Пауэру.

Они свернули за угол к погребку Джемса Кавенеха. Муниципальный фургон, пустой, стоял напротив, неподвижно, в Эссекских воротах. Мартин Каннингхэм все продолжал говорить, то и дело показывая Джимми Генри подписной лист, но тот ни разу не взглянул на него.

— И Длинный Джон Фаннинг тоже тут, сказал Джон Уайз Нолан. В натуральную величину.

Высокая фигура Длинного Джона Фаннинга заполняла собой всю дверь.

— Добрый день, господин помощник шерифа, сказал Мартин Каннингхэм, когда они остановились, здороваясь.

Длинный Джон Фаннинг не посторонился. Он решительно снял свою большую шляпу и его большие надменные глаза проницательно и хмуро оглядели все их лица.

— Что, римские сенаторы все еще предаются мирной беседе? с выразительно-едкой интонацией спросил он помощника городского клэрка.

— Адский кавардак они развели, сказал Джимми Генри раздраженно, из-за своего проклятого ирландского языка. Желал бы я знать, чем занимается Джон Парнелл вместо того, чтоб поддерживать порядок в зале заседаний. А у старика Барлоу, хранителя жезла, припадок астмы, жезла на столе нет, беспорядок полный, даже кворума нет, а Хетчинсон, лорд мэр, уехал в Ландудно и оставил за себя этого мальчишку, Лоркана Шерлота. Будь он проклят, этот язык наших предков.

Длинный Джон Фаннинг выпустил изо рта перистую струйку дыма.

Мартин Каннингхэм обращался по очереди, покручивая кончик своей бороды, то к помощнику городского клэрка, то к помощнику шерифа; а Джон Уайз Нолан хранил молчание.

— Какой это Дигнэм? спросил Длинный Джон Фаннинг.

Джимми Генри сделал гримасу и поднял левую ногу.

— Ох, мои мозоли, жалобно сказал он. Пойдем, ради бога, наверх, я хоть сяду. Уф. Ох. Осторожно.

Он сердито протиснулся в дверь мимо Длинного Джона Фаннинга и пошел вверх по лестнице.

— Пойдемте наверх, сказал Мартин Каннингхэм помощнику шерифа. Не думаю, что вы его знали, а впрочем, может быть.

Мистер Пауэр вместе с Джоном Уайз Ноланом последовали за ними.

— Хороший был человек, сказал мистер Пауэр плотной спине Длинного Джона Фаннинга, поднимаясь навстречу Длинному Джону Фаннингу в зеркале.

— Небольшого роста, знаете, Дигнэм, который служил в конторе Ментона, сказал Мартин Каннингхэм.

Длинный Джон Фаннинг никак не мог вспомнить.

Цоканье подков донеслось с улицы.

— Что это? сказал Мартин Каннингхэм.

Все повернулись, кто где стоял; Джон Уайз Нолан снова спустился вниз. Из прохладной тени на пороге он увидел, как лошади проскакали по Парламент-стрит, упряжь и лоснящиеся бабки сверкнули на солнце. Весело прошли они перед его холодным недружелюбным взглядом, не быстро. В седлах на уносах, скоком на уносах, форейторы скакали.

— Что это было? спросил Мартин Каннингхэм, когда они опять стали подниматься.

— Лорд наместник и генерал губернатор Ирландии, ответил снизу Джон Уайз Нолан.

* * *

Когда они шли по толстому ковру, Бак Маллиган, заслонившись панамой, шепнул Гэйнсу,

— Брат Парнелля. Там, в углу.

Они выбрали столик возле окна, напротив длиннолицого человека, чей напряженный взгляд и борода опускались на шахматную доску.

— Это он? спросил Гэйнс, поворачиваясь на стуле.

— Да, сказал Маллиган.— Это Джон Хоуард, его брат, наш олдермен.

Джон Хоуард Парнелл спокойно передвинул белого слона и его серая лапа снова поднялась ко лбу, где и осталась.

Через мгновенье из-под ее прикрытия его глаза, замогильно блеснув, быстро взглянули на противника и снова опустились на участок боя.

— Дайте мне меланж, сказал Гэйнс официантке.

— Два меланжа, сказал Бак Маллиган. И дайте нам булочек, масла и пирожных.

Когда она ушла, он сказал, смеясь:

— Мы называем это кафе О. Д. Б., потому что у них отменно дрянные булочки. Жаль, вы не слышали, как Дедалус говорил о Гамлете.

Гэйнс открыл только что купленную книгу.

— Очень жаль, сказал он. Шекспир богатая тема для всех умов, утративших равновесие.

Одноногий матрос у под'езда номера 14 по Нельсон-стрит прохрипел:

— *Англия ждет...*

Светложелтый жилет Бака Маллигана весело сотрясался от смеха.

— Посмотрели б вы на него, сказал он, когда его тело утрачивает равновесие. Я его зову блуждающий Энгус.

— Я уверен, что у него есть какая-то idée fixe, сказал Гэйнс, задумчиво пощипывая подбородок большими и указательными пальцами. Одного не могу понять, какая именно. Такие люди всегда страдают навязчивыми идеями.

Бак Маллиган с серьезным лицом перегнулся через стол.

— Ему повредили мозги, сказал он, виденьями ада. Он никогда не проникнется аттическим духом. Духом Суинберна и всех поэтов, белая смерть и алое рождение. В этом его трагедия. Он никогда не будет поэтом. Радость творчества...

— Вечные муки, сказал Гэйнс, коротко кивнув. Понимаю. Я с ним беседовал сегодня утром о вере. Я сразу понял, что его что-то грызет. Это любопытно, потому что венский профессор Покорный строит на этом любопытную теорию.

Бдительные глаза Бака Маллигана заметили приближающуюся официантку. Он помог ей разгрузить поднос.

— Он не находит никаких упоминаний об аде в древних ирландских мифах, сказал Гэйнс, среди веселых чашек. Повидимому в них отсутствует этический момент, идея судьбы, возмездия. Странно, что у него именно эта навязчивая идея. Он пишет что-нибудь для вас?

Он ловко опустил два куска сахару в чашку вдоль стенки сквозь взбитые сливки. Бак Маллиган разрезал пополам горячую булочку, и намазал маслом ее дымящееся нутро. Он жадно откусил мягкий кусок.

— Лет через десять, сказал он жуя и смеясь. Напишет что-нибудь лет через десять.

— Порядочный срок, сказал Гэйнс, задумчиво поднимая ложку. Однако, не удивлюсь, если он в конце концов это сделает.

Он ковырнул ложечкой белый конус на своей чашке и положил в рот.

— Вот это настоящие ирландские сливки, сказал он снисходительно. Люблю, когда без обмана.

Илия, кораблик, скомканный листок, плыл к востоку вдоль бортов кораблей и траулеров, посреди архипелага пробок, минуя Уэппинг-стрит за Бенсоновским перевозом, мимо трехмачтовой шхуны *Розвен,* шедшей с грузом кирпичей из Бриджуотера.

* * *

Альмидано Артифони шагал мимо Холлес-стрит, мимо Сьюэлл Ярд. Позади него Кэшел Бойл О'Коннор Фицморис Тисдалл Фаррелл с тростьюзонтикомпальто, болтающимися на руке, обошел фонарь перед домом мистера Лоу Смис и, перейдя на другую сторону, зашагал вдоль Меррион-сквер. За ним, поодаль, слепой юноша постукивая палочкой шел вдоль ограды Университетского парка.

Кэшел Бойл О'Коннор Фицморис Тисдалл Фаррелл дошел до приветливых окон мистера Льюиса Уернера, затем повернул и пошел обратно вдоль Меррион-сквэр, с болтающимися на руке тростьюзонтикомпальто.

На углу, у бара Уайлда, он остановился, насупился на имя Илии на афише Метрополитен Холл, насупился на веселый газон дальнего сквера. Его монокль, насупясь, сверкнул на солнце. Обнажив крысиные зубы он пробормотал:

— Coactus volui.[1]

Он зашагал к Клер-стрит, пережевывая свои свирепые слова.

Когда он шагал мимо зубоврачебных окон мистера Блума, он взмахом пальто грубо сшиб под углом поставленную тонкую постукивающую трость и помчался дальше, хлестнув по хилому телу. Слепой юноша повернул свое болезненное лицо вслед шагающей фигуре.

— Будь ты проклят, сказал он горько, кто бы ты ни был. Ты еще слепей, чем я, сукин ты сын.

* * *

Напротив лавки Регги О'Донохэ, юный патрик Алоизий Дигнэм, прижимая к себе полтора фунта свиных котлет, от Мангена, бывшего Ференбаха, за которыми он был послан, шел по теплой Виклоу-стрит, глазея по сторонам. Чортова скука сидеть в полутемной гостиной с миссис Стер и миссис Квигли и миссис Мак Доуэлл, и все они сморкаются и по капельке прихлебывают первосортный красный портвейн, что дядя Барни привез из Теннея. И подбирают крошки домашнего сладкого пирога и целый день, чорт бы их побрал, только и делают, что жуют и вздыхают.

За Виклоу-лэйн окно мадам Дойл, придворной портнихи, остановило его. Он стоял, глядя на двух боксеров, голых до пояса, выставивших свои кулаки. Из боковых зеркал молчаливо глазели два юных Дигнэма в трауре. Матч между Майлером Кеог, любимцем Дублина, и сержантом Беннетом из казарм Портобелло, на приз в пятьдесят соверенов, ух ты, вот это стоило бы посмотреть. Майлэр Кеог это вон тот, нацелился на того в зеленом поясе. За вход два шиллинга, военным 50% скидки. Я бы удрал, мама и не заметит. Юный Дигнэм слева от него повернулся, когда он повернулся. Это я в трауре. Когда это? Мая, двадцать второго числа. Ах, чорт, это уже было. Он повернулся направо и справа от него юный Дигнэм повернулся, шапка на боку, воротник вылез. Застегивая его, приподняв подбородок, он увидел изображение Мэри Кендалл,

[1] Хочу по принуждению (лат.)

прелестной субретки, рядом с двумя боксерами. Вот такие красотки бывают на картинках в коробках с папиросами. Стер такие курил, еще родитель выдрал его, когда поймал.

Юный Дигнэм заправил воротничок и поплелся дальше. Самый сильный удар был у Фицсиммонса. Он, если трахнет тебя под ложечку, так неделю не разогнешься. Но самый ловкий был Джем Корбет, пока Фицсиммонс не вышиб из него всю его премудрость.

На Графтон-стрит юный Дигнэм увидел красный цветок в зубах щеголя и шикарные ботинки на нем, а сам слушает, что ему говорит пьянчужка и скалится во всю пасть.

Трамвая на Сэндимаунт не было.

Юный Дигнэм пошел по Нассау-стрит, переложил свиные котлеты в другую руку. Воротничок у него опять выскочил, он опять заправил его. Чортова запонка не лезет в петлю, чорт бы ее взял. Он встретил школьников с сумками. Завтра я тоже не пойду, буду дома до самого понедельника. Он встретил еще школьников. Заметили они, что я в трауре? Дядя Барни сказал, что вечером это будет в газете. Тогда они все это увидят и прочитают мое имя в газете и папино имя.

Лицо у него стало совсем серое, а не красное, как всегда, и вверх по лицу к глазам ползла муха. Как скрипело когда привинчивали крышку гроба; и как стукался гроб о перила, когда несли по лестнице.

Папа был в гробу и мама плакала в гостиной, и дядя Барни об'яснял, как пронести его на повороте. Большой был гроб и высокий и тяжелый на вид. Как это случилось? В тот вечер, когда папа был пьян, он стоял на площадке лестницы и орал, чтоб ему дали башмаки, он пойдет к Тенни и еще напьется, и он был такой толстый и короткий в рубашке. Никогда больше его не увижу. Это смерть. Папа умер. Мой отец умер. Он сказал мне, чтоб я был маме хорошим сыном. Я не мог разобрать, что он еще сказал, но я видел его язык и зубы, он старался сказать яснее. Бедный папа. Это был мистер Дигнэм, мой отец. Я надеюсь, что он сейчас в чистилище, потому что он исповедовался в субботу вечером у отца Конроя.

* * *

Уильям Хембл, граф Дэдлей, и лэди Дэдлей, сопровождаемая полковником Хессельтайн, выехали после завтрака из ворот вице-королевской резиденции. Во втором экипаже были превосходительная миссис Пэджет, мисс де Курси и превосходительный Джеральд Уорд, дежурный ад'ютант.

Кортеж выехал из Феникс-Парка через боковые ворота, приветствуемый подобострастными полисменами, и проследовал мимо Королевского моста по набережной. Население сердечно приветствовало вице-короля на его пути через столицу. У Кровавого моста мистер Томас Кернан издали тщетно кланялся с того берега. Между мостом Королевы и мостом Уитворт вицекоролевские экипажи лорда Дэдли проехали и не удостоились приветствия мистера Дэдли Уайта Б. Ю. Н., М.[1], стоявшего на Аранской набережной возле ссудной кассы миссис М. Е. Уайт на углу Аран-стрит, поглаживая нос указательным пальцем, не зная, как быстрей добраться до Фисборо, поехать трамваем с тремя пересадками или взять кэб или пойти пешком через Смисфилд, холм Конституции и Бродстонский вокзал. В под'езде судебной палаты Ричи Гулдинг с портфелем фирмы Гулдинг Коллис и Уорд, увидел кортеж и удивился. За Ричмондским мостом на крыльце конторы Рувима Дж. Додда, стряпчего, агента Патриотического Страхового Общества, пожилая особа женского пола, уже собиравшаяся войти, передумала, пошла в обратном направлении мимо витрины Кароля, доверчиво улыбаясь наместнику его величества. Из стока в стене Дровяной набережной под конторой Тома Девана, речка Поддль верноподданно высунула язык сточной жижи. Над занавеской в Ормонд Отеле, золото и бронза, голова мисс Кеннеди и голова мисс Дус наблюдали и восхищались. На Ормондской набережной мистер Саймон Дедалус, держа путь из общественной уборной в контору помощника шерифа, остановился посреди улицы и низко опустил шляпу. Его сиятельство милостиво ответило

[1] Бакалавр юридических наук, Магистр искусств.

мистеру Дедалусу на его поклон. С угла у бара Кэхилл его преподобие Хью С. Лов М. И. незамеченный поклонился, памятуя о вице-королях, что издавна щедрой рукой раздают богатые приходы. На мосту Граттана Ленехэн и Мак-Кой, прощаясь друг с другом, посмотрели на проезжающие экипажи. Проходя мимо конторы Роджера Грина и большой красной типографии Долларда, Герти Мак-Доуэлл, несшая горчичники своему отцу, который лежал в постели больной, сразу догадалась, что это выезд их сиятельств, но так и не разглядела в каком туалете была ее сиятельство, потому что трамвай и большой желтый мебельный фургон Спринга как на зло остановился прямо против нее. Возле Ленди Фут с затененного порога погребка Кавенеха Джон Уайз Нолан усмехнулся при виде лорда наместника и генерал губернатора Ирландии с холодностью, которая осталась незамеченной. Его высокопревосходительство Уилльям Хембл, граф Дэдли К. О. В.[1] проехал мимо вечно тикающих часов Микки Андерсона и восковых шикарнокостюмных румянощеких манекенов Генри и Джемса, джентльмена Генри, dernier cri[2] Джемса. В Воротах Дам Том Рочфорд и Носастый Флинн следили за приближением кортежа. Том Рочфорд, заметив на себе взгляд лэди Дэдли, поспешно вынул большие пальцы из карманов винно-красного жилета и снял перед ней шляпу. Прелестная субретка, знаменитая Мэри Кендалл, с накрашенными щеками и приподнятой юбочкой накрашенно улыбнулась с афиши Уильяму Хембл, графу Дэдли и полковнику Хессельтайну, а также превосходительному Джеральду Уорду, дежурному ад'ютанту. Из окна О. Д. Б. Бак Маллиган весело, а Гэйнс серьезно, посмотрели вниз на вице-королевский экипаж через плечи любопытных гостей, чья масса тел бросала тень на шахматную доску, на которую напряженно смотрел Джон Хазард Парнелл. На Фаунз-стрит Дилли Дедалус, оторвав взгляд от элементарного курса французского языка Шарденаля увидела раскрытые зонтики и вертящиеся в солнечном блеске спицы. Джон Генри Ментон, стоявший в дверях Дома торговли; смотрел опухшими от вина глазами-устрицами, держа жирные золотые часы, не глядя на них, в левой руке, не чувствуя их. Там, где переднее копыто коня короля Билли повисло в воздухе, миссис Брийн спасла своего спешащего супруга от форейторских копыт. Она прокричала ему на ухо, кто едет. Поняв, он переложил свои фолианты под левую руку и поклонился второму экипажу. Превосходительный Джеральд Уорд, приятно удивленный, поспешил ответить. На углу у бара Понсонби усталая белая бутыль М. остановилась, и четыре белых бутыли в цилиндрах остановились позади него, Х. Э. Л. И., пока форейторы и экипажи мчались мимо. Напротив склада музыкальных инструментов Пиготта мистер Денис Дж. Магинни, учитель танцев и т. п. в легкомысленном наряде шествовал важно, опереженный вице-королем и незамеченный им.

У Стены Старшин бойко шагал Горячка Бойлен, ступая ногами в желтых ботинках и носках с небесно-голубыми стрелками в такт припеву *Моя девочка родом из Иоркшира.*

Навстречу небесноголубым налобникам и энергичному галопу форейторских коней, Горячка Бойлен выставил небесноголубой галстук, широкополую соломенную шляпу, ухарски надетую набекрень, и синий шевиотовый костюм. Его руки, засунутые в карманы пиджака, позабыли снять шляпу, но он презентовал трем дамам дерзкое восхищение своих глаз и красный цветок в зубах. Когда они ехали по Нассау-стрит, его сиятельство обратил внимание своей кивающей супруги на программу концерта, который шел в Университетском Парке. Невидимые музыканты шотландского военного оркестра трубили и барабанили вслед кортежу.

Хоть она девушка простая
И прост ее наряд
Буб-бум
А все же иоркширец я
И роза из Иоркшира
Милей всех для меня
Бум-бум....

По ту сторону стены участники гандикапа на четверть мили М. С. Грин

[1] Кавалер ордена Виктории.
[2] Последний крик моды (фр.)

Н. Трифт, Т. М. Пэти, С. Скайф, Дж. Б. Джеффс, Г. Н. Морфи, Ф. Стивенсон, С. Эддерли и У. С. Хеггард стартовали по очереди. Шагая мимо гостиницы Финна, Кешел Бойл О'Коннор Фицморис Тисдалл Фаррелл вперился сквозь свирепый монокль поверх экипажей в голову мистера Е. М. Соломонса в окне австро-венгерского вице-консульства. В глубине Лейнстер-стрит, возле калитки Тринити, верный подданный короля Хорнблоуер дотронулся до своей егерской фуражки. Когда лоснящиеся лошади проскакали по Меррион-сквэр, юный Патрик Алоизий Дигнэм, дожидаясь, увидел, как все кланялись господину в цилиндре и сам тоже поднял свою новую черную фуражку пальцами, испачканными о бумагу, в которой были котлеты. Воротничок у него опять вылез. Вице-король, выехавший на торжественное открытие благотворительного базара в пользу больничного фонда, проехал вместе со своим экскортом по направлению к Маунт-стрит. Напротив Бродбента они проехали мимо слепого юноши. На Маунт-стрит пешеход в коричневом макинтоше, жуя сухой хлеб, быстро и благополучно перебежал вице-королю дорогу. На Мосту Королевского Канала, мистер Юджин Стреттон, улыбаясь с афиши своими толстыми губами, приветствовал прибывающих в Пемброкский квартал. На углу Хаддингтон Род две женщины, все в песке, остановились с зонтиком и с сумкой, в которой побрякивали одиннадцать сердцевидок, глядя с удивлением на лорд-мэра с лорд-мэршей, без золотой цепи. На Нортемберланд Род и на Лэндсдаун-Род его сиятельство добросовестно ответил на поклоны немногих прохожих мужеского пола, на поклоны двух маленьких школьников у садовой калитки того дома, которым, как говорят, восхищалась покойная королева, когда посетила ирландскую столицу вместе с принцем супругом в 1849 году и на поклон толстых штанин Альмидано Артифони, проглоченных захлопнувшейся дверью.

ПРИМЕЧАНИЯ

Десятый эпизод «Улисса» известен под названием «Бродящие скалы». Здесь имеются в виду те скалы, о которых Цирцея говорит Улиссу, готовому отправиться в путь на Итаку: «Имя Бродящих дано им богами... все корабли, к тем скалам подходившие, гибли с пловцами»... («Одиссея», песнь XII; цит. по переводу Жуковского). Новейшие исследователи Гомера считают, что речь идет здесь об одном из мест греческого архипелага, где многочисленные мелкие островки и скалы образуют лабиринт, непроходимый для кораблей гомеровской эпохи. Таким лабиринтом является и десятый эпизод «Улисса», по своему построению не похожий ни на один из предшествующих или последующих эпизодов.

Весь эпизод разбит на девятнадцать квазисамостоятельных частей. Восемнадцать из них (1—18) — отдельные «уличные сценки», героями которых являются самые разнообразные персонажи — от Блума и Стефена до безымянных «одноногого матроса» и «слепого юноши» (ср. конец 8 эпизода, «И. Л.», 1936, № 2). Девятнадцатая часть — проезд вице-королевского кортежа — как бы резюмирует весь эпизод, соединяя воедино все островки этого архипелага. Почти все персонажи десятого эпизода уже появлялись на страницах «Улисса»: знакомство с предыдущими эпизодами — важнейшая путеводная нить, которая поможет читателю не запутаться в этом лабиринте. Кроме того, некоторые из них фигурировали в первом романе Джойса «Портрет художника в юности»: это — сестры Стефена Дедалуса и отец Конми, ректор иезуитского колледжа Клонгаус-Вуд, где учился Стефен-Джойс (ср. также в 9 эпизоде: «Я. Мальчик, которого отец Конми спас от розог»; «И. Л.». 1936, № 3). Сюжетной связкой, вводящей отца Конми в «день Блума», является письмо мистера Каннингхэма, который просит отца Конми пристроить сына недавно умершего Дигнэма (ср. 6 эпизод, похороны, «И. Л.», 1935, №№ 11—12). В последующих сценах мы встречаем Каннинңгхэма за сбором пожертвований для семьи Дигнэма» (подписной лист, 15) и наконец «юного Дигнэма», вспоминающего о смерти отца (18).

Время действия эпизода — от 3 до 4 часов дня. Все сцены происходят одновременно; их синхронность подчеркивается введением в каждую часть одной или нескольких фраз из других параллельных сцен. Так, Блум, центральное

действующее лицо сцены 10, появляется до этого дважды в виде «темноспинной фигуры», листающей книги у букиниста (5, 9). Добавим попутно, что «настоящего» Блума, героя «Улисса», не следует смешивать с дублинским дантистом Блумом, мимо «зубоврачебных окон» которого проходит безумный Фаррел (17). Священник Лов, приходящий (в 8 сцене) осматривать залу, где ирландский авантюрист, «шелковый рыцарь» Томас Фицджералд, сын графа Килдэра, поднял в 1534 г. восстание против англичан, появляется затем в сценах 14 и 19. «Джеральдайны», мысленно сопровождающие Лова на его пути — тоже самое, что Фицджералды. Они — как бы лейтмотив Лова, подобно тому, как лейтмотивы Стефена — «скверна души», «горькая смерть» и магическая формула, помогающая добиться любви женщин (ср. эпизоды 1 и 3, «И. Л.» 1935, №№ 1—3); на таких лейтмотивах построен весь эпизод, и в частности заключительная его сцена. «Горячка» Бойлэн—герой сцены 5 — появляется затем в сцене 15 (он «изловил зятя Джека Муни.... направляющегося в Либертиз»: Либертиз — название одного из кварталов Дублина, где в старину находили приют преступники, спасающиеся от правосудия; такие же кварталы существовали в средние века и в Лондоне); в сцене 18 тот же момент дается через восприятие юного Дигнэма: «красный цветок в зубах щеголя» (Бойлэна)... и дальше. Изобретение Тома Рочфорда — автоват, который должен показывать сидящему у себя в кабинете директору мюзик-холла, какие номера прошли и какие идут на эстраде (9) — появлялся в сцене 7 (секретарша Бойлэна, мисс Денн): «Кружок скользнул вниз по желобку»... и т. д. Многие персонажи появляются только в этих «вставках»: таковы миссис Блум — «щедрая белая рука» в окне на Экклз-стрит (2, 3, 9); официантки из ресторана Ормонд-отеля мисс Дус и мисс Кеннеди, «бронза и золото» (15,19); супруги Брийн, уже известные нам по 8 эпизоду (12, 19); две старухи, возвращающиеся с морского берега (13, 19) — те самые, которых Стефен встретил у моря (3 эпизод, «И. Л.», 1935, № 3), и о которых он рассказывал в «притче о сливах» в 7 эпизоде («И. Л.», 1936, № 1); и наконец «кораблик, скомканный листок, грядет Илия» (4, 12, 16) — листок духовного содержания, брошенный Блумом в реку (см. начало 8 эпизода, «И. Л.», 1936, № 2).

Эпизод заканчивается описанием проезда вице-короля Ирландии через Дублин. Эта сцена подготовлена «вставными» фразами в частях 8 («лошади, мимо которых он шел»... и дальше), 9 («Ворота широко распахнулись, выпуская кортеж»), 11 («Вицекоролевский кортеж...»), 12 («Кортеж мелкой рысью...») и 15 (... «лошади проскакали по Парламент-стрит...»). Самое описание сделано в подчеркнуто-ходульном стиле репортерской заметки, причем пародия местами переходит в едкое издевательство над описываемым событием: «население сердечно приветствовало вице-короля» — и тут же вонючая речонка Подль, которая при проезде кортежа «верноподданно высунула язык сточной жижи», а в самом конце эпизода вице-король «добросовестно ответил... на поклон толстых штанин Альмидано Артифони, проглоченных захлопнувшейся дверью».
